

© 2001 г., ЭО, № 4

Л.В. К а л ь м и н а, Л.В. К у р а с. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 1999. 170 с.

Работа Л.В. Кальминой и Л.В. Кураса «Еврейская община в Западном Забайкалье» освещает тему, почти совсем не исследованную ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Дореволюционные ученые, в том числе и специализировавшиеся по еврейской истории, не были готовы уделить должное внимание этому вопросу в силу значительной территориальной удаленности данного региона от мест традиционного проживания евреев в Российской империи, отсутствия сколько-нибудь значительного материала, свидетельствующего о деятельности сибирских еврейских общин, в результате чего большинство авторов воспринимало еврейство Сибири как некий курьез, не заслуживающий серьезного внимания. Естественно, еще меньший интерес эта тема вызывала после 1917 г., а с 1930 г. заниматься исследованием еврейской истории стало практически невозможно. Ситуация изменилась лишь в наши дни. Однако и сейчас интерес к сибирскому еврейству проявляют в основном только в этом регионе. Историки в Москве, С.-Петербурге, за рубежом (в Израиле, США и других странах), как правило, по-прежнему относятся к евреям Сибири как к маргинальной группе, не игравшей и не играющей сколько-нибудь заметной роли в общееврейской истории, что определялось их небольшой численностью и удаленностью от основных центров еврейской жизни. Исключение в этом плане составляет лишь все то, что связано с Еврейской автономной областью. Между тем очевидно, что еврейство Сибири заслуживает гораздо более пристального внимания.

Первые евреи появились за Уралом в XVII в., когда, по косвенным данным, они проникли сюда вместе с русскими землепроходцами. Но еврейские общины сформировались здесь только во второй половине XIX в. Их основу составили бывшие каторжники и ссыльные, однако туда входили и евреи, по собственной воле приезжавшие в Сибирь. Надо заметить, что эта территория долгое время была совершенно закрыта для лиц иудейского вероисповедания, за исключением уголовных и политических преступников, а также солдат. Ослабление этого режима произошло в период правления Александра II, когда некоторым категориям евреев было разрешено повсеместное проживание на территории Российской империи, в том числе и в Сибири. В дальнейшем, при императорах Александре III и Николае II, права евреев на проживание в Сибири были вновь ограничены, проводились частые выселения тех, кто, по мнению местных властей, прибывал туда незаконно. Тем не менее количество евреев, добровольно приезжающих в регион, постоянно росло. Это было связано с тем, что многим жителям черты оседлости Сибирь казалась краем неограниченных возможностей, предоставлявшим им шанс вырваться из удушающей атмосферы местечка с его нищетой, притеснениями со стороны властей и погромами. Это, а также наличие большого числа евреев, отбывающих каторгу, и ссыльных, которые по освобождении стремились остаться в Сибири, привело к значительному росту еврейского населения, прежде всего в городах. Так, в 1897 г. в Чите евреи составляли около 10% населения, в Верхнеудинске – 11%, в Нерчинске – 7%. в Баргузине – почти 33% населения. Ситуация, сходная с существовавшей в Забайкалье, была характерна и для других районов Сибири, например для Иркутской губ.

Евреи играли значительную роль в хозяйственной жизни региона. В 1897 г. 38% купцов и 11% мещан Забайкальской обл., а в Баргузине 88% купцов (30 из 34 чел.) были евреями. Наличие крупных и успевающих еврейских общин способствовало возникновению многочисленных молитвенных домов, еврейских школ разных видов, благотворительных учреждений и т.д. В период революции 1917 г. и гражданской войны большую активность развили различные еврейские политические партии. После установления советской власти еврейская религиозно-общинная жизнь сошла на нет, да и численность еврейского населения в Сибири, в особенности в Забайкалье, постепенно сократилась. Последнее объясняется в основном ассимиляцией евреев другими этносами и оттоком части еврейского населения в крупные города центра страны и за границу.

Рецензируемая монография – первая обобщающая работа по еврейской общине Забайкалья, насколько мне известно, нет такой работы и по другим регионам Сибири. Есть лишь отдельные статьи о еврейских общинах в Иркутске и Томске. Во Введении к этой книге авторы определили для себя следующие задачи: 1) показать пути и тенденции формирования еврейской общины Западного Забайкалья в контексте российского законодательства по еврейскому вопросу; 2) сделать попытку систематизации сибирского законодательства по еврейскому вопросу, имевшего свои территориальные особенности; 3) проанализировать хозяйственную жизнь евреев Западного Забайкалья и процесс формирования структуры «еврейской» экономики; 4) определить тенденции формирования местной еврейской культуры как одного из главных элементов еврейской жизни. Западное Забайкалье для авторов – это прежде всего нынешняя Республика Бурятия, в прошлом Верхнеудинский, Баргузинский и Селенгинский округа Забайкальской обл. Выбор данного региона в качестве предмета исследования Л.В. Кальмина и Л.В. Курас объясняют тем, что он долгое время был местом ссылки еврейского населения, что заложило основу формирования здесь крупной еврейской общины.

Работа состоит из двух глав. Первая посвящена правовым основам пребывания евреев в Сибири, и в частности в Забайкалье, и демографическим особенностям формирования общины как результата законодательной политики местных властей и правительства. Авторы начинают с анализа российского законодательства, касающегося проживания евреев в Сибири от эпохи правления Александра I до правления Николая II. Оно разрабатывалось по двум основным направлениям. Первое – всемерное пресечение въезда евреев в Сибирь и поселения их в этом регионе. Второе – ограничение их деятельности там путем лишения целого ряда прав, в частности права на свободное перемещение по территории края. Тем не менее это не смогло помешать росту еврейского населения в регионе и повышению его фактического статуса в обществе (с. 38)*.

Далее авторы показывают, что большое число ссыльных евреев было вынуждено приписываться к крестьянским обществам в населенных пунктах, где они проживали. Этим объясняется высокий процент евреев-крестьян в Забайкалье – до 45% от всего еврейского населения, что было совершенно не характерно для ситуации в черте оседлости. Именно из них, а также из мещан формируется местное еврейское купечество, также достаточно значительное (20% еврейского населения) (с. 51). Интересно, что большинство купцов составляли те, кто стал ими уже в Сибири, и лишь немногие вступали в гильдию в Европейской России. Это было вызвано тем, что купцы из центра страны редко жаловали своим вниманием такой «медвежий угол», как Забайкалье, что отчасти давало дополнительные возможности для местных жителей (с. 45). Авторы рассматривают также другие группы евреев, кроме ссыльных, которые имели возможность оказаться в Западном Забайкалье, и их влияние на формирование местных общин (с. 44, 46).

Вторая глава также разделена на две части. В первой речь идет о хозяйственной деятельности еврейского населения. Историю экономического освоения евреями края авторы делят на три этапа. Первый этап – 60–80-е годы XIX в., период «первоначального накопления капитала», когда вчерашние ссыльные и отставные солдаты сколачивали состояния в основном за счет мелочной торговли. Зажиточный слой среди них был очень «тонок», а купечества не было вовсе (с. 93). Второй этап – 80-е годы XIX – начало XX в. – характеризуется расцветом деятельности в регионе первого поколения еврейского купечества. Сферой его интересов в это время были в основном торговля и золотодобывающая промышленность. Третий этап – 1901–1917 гг. – отмечен доминирующим положением еврейских купцов на местном рынке. Начинается вложение финансовых средств в промышленность. Деятельность принадлежащих евреям предприятий выходит за пределы региона. Растет благосостояние и всего еврейского населения (с. 93).

Вторая часть этой главы посвящена анализу культурно-религиозной жизни общины. Еврейские общества за пределами черты оседлости характеризовались значительно меньшей степенью религиозности и большей степенью аккультурации, чем в местах проживания основной части еврейского населения. Не была исключением и ситуация в Западном Забайкалье. Большинство евреев, особенно из тех, кто родился в Сибири, говорили только на русском языке и либо совсем не знали идиша, либо употребляли его крайне редко (с. 121). Идиш практически не изучали и в еврейских школах, где его место занял иврит (с. 118). Власти ограничивали доступ раввинов в Сибирь, поэтому их обязанности приходилось исполнять местным жителям, как правило, не имевшим религиозного образования (с. 111). Это приводило к тому, что у большинства сибирских евреев связь с иудаизмом ограничивалась лишь самым общим следованием традиции.

* Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой работы.

В то же время здесь отсутствовало сознательное стремление к ассимиляции, характерное для евреев Центральной России.

Последний раздел работы – «Вместо заключения» – посвящен истории евреев в Бурятии в советский период. Авторы достаточно подробно рассматривают период гражданской войны и 1920-х годов, когда под влиянием запретительной политики властей происходит затухание еврейской религиозной и культурной жизни в регионе (с. 130). Возрождение еврейской культуры в Республике Бурятия происходит только в 1990-е годы. В Улан-Удэ создан Центр еврейской культуры, при котором работают воскресная школа и ульпан, где изучают иврит, историю евреев и Израиля, традиции и обычаи еврейского народа, в городе работает представительство Еврейского агентства в России.

Работа написана на основе документов из Национального архива Республики Бурятия, в большинстве своем еще не введенных в научный оборот. Также используется материал из Российского Государственного исторического архива в С.-Петербурге, литература по истории Байкальского региона, отдельные работы по еврейской истории. Опора на архивный материал – ощутимое достоинство данной книги. Еще большую ценность ей придадут опубликованные в «Приложении» документы по истории евреев в Забайкалье и статистические данные. Работа снабжена хорошим справочно-библиографическим аппаратом. В то же время возникает ощущение, что авторы не знакомы с целым рядом современных работ по истории евреев в России, особенно с теми, которые вышли в последнее десятилетие. Видимо, причиной этого стало то, что Восточная Сибирь, где проживают Л.В. Кальмина и Л.В. Курас, слишком удалена от основных центров еврейской исторической науки и многие книги либо вообще не доходят туда, либо доходят с большим опозданием. В завершение хочу подчеркнуть, что исследование, осуществленное двумя сибирскими специалистами, безусловно, можно считать интересным, серьезным вкладом в формирующуюся на наших глазах отечественную иудаику.

Ю.А. Снопов

© 2001 г., ЭО, № 4

Э.С. Маркарян. Науки о культуре и императивы эпохи. К обоснованию ключевой роли знаний о способе социокультурного типа самоорганизации жизни в условиях современного планетарного кризиса: Программный доклад для культурологических чтений. М., 2000. 127 с.

Автора рецензируемой работы не нужно представлять российским этнологом: его разработки в таких областях знания, как философия истории, теория локальных цивилизаций, методология системного анализа в социальных и гуманитарных науках, теория культуры и теория человеческой деятельности, экология человека, науковедение, наконец, глобальное моделирование и управление, хорошо известны специалистам. Новый труд автора по используемым в нем методам и концепциям смыкается с серией отечественных и зарубежных работ по глобалистике, и прежде всего с работами Римского клуба. Неслучайно в списке использованной литературы читатель обнаружит монографии обоих первых президентов этого клуба – А. Печчи и А. Кинга, а также работы руководителей важнейших проектов клуба – Э. Пестеля, Э. Ласло и публикации ведущих отечественных и зарубежных специалистов по глобальному моделированию, начиная с работ В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена и завершая трудами Д. Белла, И. Валлерстайна, Я. Тинбергера, А. Тоффлера, Э. Янча, С. Капицы, Н. Моисеева, А. Урсула и др. Однако работа адресуется не только специалистам по глобалистике и, как мне представляется, предназначается одновременно нескольким не вполне очевидно связанным друг с другом аудиториям – культурологам и этнологам, философам, историкам науки, наконец, чиновникам таких международных организаций, как ООН и ЮНЕСКО. Основой для синтеза столь различных интересов, профессиональных языков, стилей мышления и проблематики являются личность самого автора и его полувековой путь в науке, отмеченный множеством ярких публикаций, оставивших след практически во всех перечисленных выше направлениях научного поиска.

Рецензируемая работа, помимо прочего, представляет собой и своего рода резюме научных поисков